

П. П. Щербинин

ЖЕНЩИНЫ В РУССКОЙ АРМИИ В XVIII–XIX ВВ.

Женщины и российская армия в XVIII в.

В результате реформ Петра I, создания большой регулярной армии, милитаризации различных сторон развития государства и общества в России возникли большие сообщества неженатых мужчин (офицеров, солдат, матросов, чиновников). Многие мужчины на долгие годы, если не навсегда, отрывались от родного дома, становились маргиналами в семейной жизни¹.

Солдаты, не имевшие при себе семей, пытались удовлетворять свои сексуальные потребности при помощи случайных связей. Понятно, что среди военнотружущих стали широко распространяться венерические заболевания. И хотя солдат лечили бесплатно, военное начальство стало наказывать их лишением жалования «за невоздержанность». Военный устав 1716 г. предписывал «с урядников и рядовых отнюдь ничего не брать, отчего бы им болезнь не приключилась, но лечить их всех без зарплаты». Как видно, устав изменил отношение к венерическим болезням из числа рядовых, так как в предшествующие его появлению годы оно было иным: еще в 1715 г. Яков Брюс приказал лишить фузилера Ю. Бячкова жалования за два года, «потому что он пролежал в лазаретах в нечистой болезни, а та болезнь происходит от своего невоздержания»².

О том, что половой вопрос в армейской среде стоял весьма остро, свидетельствовали перечисления мер, пресекавших скотоложество, мужеложество, изнасилование, вступление в половые связи с несовершеннолетними и т.п. Указывалось также, что «никакие блудницы при полках терпимы не будут». Вероятно, подобные действия имели место, если их требовалось запретить под страхом вечного пребывания на галерах или даже смертной казни³. Запретительные меры не могли остановить общения солдат с «непотребными женщинами», которые всегда сопровождали войска или стремились селиться вблизи мест расположения полков русской армии.

Более радикальным решением проблемы взаимоотношения военных с женщинами могло быть разрешение иметь при себе свои семьи. Однако для этого всегда требовалось согласие командования. Не случайно солдаты при первой возможности старались выписывать себе своих жен. Но из-за финансовых проблем большинство военнотружущих русской армии не имели с собой семьи и продолжали искать случайные связи на стороне.

Однако сам Петр I и его окружение, находясь в походах, не ограничивали себя в общении с женщинами, а напротив, постоянно вызывали их в места дислокации войск. По меткому замечанию Е. Щепкиной, «вчерашние затворницы ... активно вводились в круг веселящихся военных людей»⁴.

Уже при подготовке похода на Азов в 1694—1695 гг. многие бояре получили приказ везти с собой своих жен. Сестра Петра I Наталья Алексеевна постоянно выезжала со своей свитой и навещала брата в армии. В этих поездках ее сопровождали сестры Арсеньевы и Меньшиковы. Дарья Арсеньева лихо гарцевала верхом на европейский лад, вызывая зависть знатных боярынь, не решавшихся на такие вольности в поведении.

Кружок полковых дам постоянно пополнялся, притягивая в войска многих женщин служилого сословия. Некоторые помещицы сами не выдерживали долгой разлуки с мужьями. Из дворянских гнезд к местам расквартирования русской армии тянулись повозки и колымаги с женщинами и детьми под охраной холопов⁵. Нередко матери привозили на полковые стоянки дочерей-невест, надеясь найти им перспективных женихов из сержантов и прапорщиков. Здесь же устраивались свадьбы, и военные писари фиксировали росписи приданого. Повседневная жизнь полковых дам была тесно связана с армейскими порядками и атрибутами. Праздники и вечера устраивались по барабанному бою, открывались пушечной пальбой. Ни болезни, ни беременность не избавляли женщин, оказавшихся в армии, от участия в попойках и маскарадных испытаниях. И часто уже сами офицеры-мужья осознавали необходимость отправки своих жен из армии к домашним очагам в провинцию или в столицы.

Замечу, что русскую армию, в отличие от европейских, не сопровождали маркитантки. В Западной Европе за каждым полком обязательно катила повозка торговки, снабжавшей солдат всем необходимым, — водкой, хлебом, табаком, одеждой, пулями, лекарствами⁶. В России же снабжением войск занимались исключительно мужчины. Лишь иногда среди торговцев, снабжавших военнотружущих товарами личного потребления (чаем, табаком, вином, сахаром и т.п.), встречались женские имена⁷. Однако такие торговки занимались своим промыслом только в местах расквартирования армейских частей, но не следовали с ними во время похода. Иногда жены унтер-офицеров, которые жили с мужьями при полках, также держали лавки и торговали съестными припасами, напитками и разными необходимыми для армейской жизни вещами⁸.

В XVIII в. женщины для службы в российской армии не допускались. Лишь при Екатерине II в России была сформирована амазонская рота, первое женское воинское подразделение⁹. Интересно, что идея привлечения женщин в армию и создания женских отрядов не только специально не обсуждалась и не рассматривалась властью и обществом, но даже сама встреча крымских «амазонок» с императрицей оказалась забытой. Информация о свидании императрицы с амазонской ротой всплыла лишь благодаря расследованию, которое провел в 1848 г. бывший наместник на Кавказе М.С.Воронцов-Дашков, получивший письмо от вдовы титулярного советника Елены Ивановны Шидянской. Вдова просила в письме оказать ей помощь императорского величества единовременным пособием, так как она лишилась зрения и в свои девяносто лет «находилась в крайней бедности». Кроме того, Е.И.Шидянская сообщила, что она командовала в царствование Екатерины II ротой амазонок и представляла ее императрице. Николай I выделил просительнице 300 руб., но приказал прислать ему сведения о том, когда была составлена рота амазонок, где и из какого звания.

Вскоре князь М.С.Воронцов-Дашков собрал необходимые сведения со слов самой Е.И.Шидянской. Выяснилось, что в состав амазонской роты входили «благородные жены и дочери балаклавских греков» и существовала она лишь два месяца — март и апрель 1787 г. Идея создания женского во-

енного подразделения принадлежала светлейшему князю Г.А.Потемкину-Таврическому, и она должна была служить еще одной красочной декорацией для приема императрицы Екатерины II в период ее путешествия в Крым. Командиру Балаклавского полка премьер-майору Чапони было поручено обучение амазонской роты, а ее командиром назначили Е.И.Сарандову, жену капитана Балаклавского полка, позже в замужестве — Шидянской. Одежда амазонок состояла из юбок малинового бархата, отороченных золотым галуном и бахромой, курточек зеленого бархата. Головной убор представлял собой белый тюрбан с золотыми блестками и страусовым пером. Все амазонки были вооружены ружьями.

Первая встреча амазонской роты произошла с австрийским императором Иосифом II, который подъехал к командиру роты Е.И.Сарандовой и поцеловал ее в губы. Подобный поступок вызвал волнение в роте, и командир стала успокаивать своих подчиненных словами: «Смирно! Чего испугались? Ведь вы видите, что император не отнял у меня губ и не оставил мне своих»¹⁰. Положение спасла Екатерина II, которая подъехала для осмотра своих «воинственных амазонок». Императрица осталась довольна смотром «женского войска», наградив Е.И.Сарандову бриллиантовым перстнем, а всю роту — 10 тыс. руб. ассигнациями. После награждения рота была распущена.

Очевиден вполне бутафорский характер создания амазонской роты и эпизодичность данного явления. Первый опыт формирования женского подразделения русской армии в XVIII в. завершился почти сразу после своего начала. Вскоре он был забыт и властями, и обществом, и самими россиянками. И женщинам, желавшим найти себе применение в армии, пришлось надевать мужской военный мундир, униформу, чтобы скрыть свою принадлежность к женскому полу. Вспомним, впрочем, что страсть к переодеванию в военную форму грешили в эпоху дворцовых переворотов и русские императрицы Елизавета Петровна и Екатерина II, которые шли во главе гвардейцев к трону в мужских военных мундирах¹¹.

Россиянки в мужском военном мундире: опыт и особенности XVIII — XIX вв.

Один из первых случаев переодевания женщины в военную форму произошел во времена правления Екатерины II. Однако императрица и ее окружение не только не инициировали это проявление патриотизма и женской воинственности, а напротив, были весьма удивлены и поражены открывшимся фактом. Дело в том, что 20-летняя донская казачка Татьяна Маркина из станицы Нагаевской, оставив на берегу реки свою одежду, переделалась в мужское платье и поступила солдатом в пехотный полк в Новочеркасске. Волевая и энергичная, внешне похожая на юношу, она дослужилась до чина капитана. Но ее блестящей военной карьере помешало одно обстоятельство — по жалобе сослуживца ей грозил полковой суд. Капитан Курточкин (так она именовалась) вынужден был обратиться к императрице и рассказать в прошении все о себе. Изумленная Екатерина II потребовала расследования с привлечением медиков. Капитан «женского пола» был освидетельствован и во всем оправдан, но военной службе пришел конец. Получив отставку, но с мундиром и пенсией, Татьяна вернулась в свою станицу¹². К сожалению, она не оставила мемуаров, и побудительные мотивы ее службы в армии остаются не ясными. Можно лишь предположить, что история ее пребы-

вания в армии подтолкнула Г.А.Потемкина к мысли о создании образцово-показательной «амазонской роты».

На рубеже XVIII—XIX вв. в военном мундире с саблей на коне сражалась с врагами еще одна женщина — Александра Тихомирова. Она воспользовалась своим сильным сходством с умершим братом — офицером гвардии и, сменив женские наряды на офицерский мундир, командовала ротой. Около 15 лет прослужила А.Тихомирова в армии, заслужив боевые награды. Она погибла в 1807 г., и только тогда ее боевые товарищи и командиры узнали, что это была женщина¹³.

Впрочем, переодевание женщин в военную форму все же иногда инициировалось и военным командованием русской армии. Об одном из подобных случаев в штабе светлейшего князя М.И.Кутузова в 1812 г. сообщалось в докладе в Петербург в военное министерство: «возит с собою переодетую в казачье платье любовницу». Ответ «клеветникам» представителя военного министерства генерала Кноринга был весьма оригинальным: «Румянцев возил их по четыре. Это не наше дело»¹⁴. Судя по данному ответу, военные весьма снисходительно относились к подобному женскому «маскараду», если он касался интимной жизни высшего командного состава русской армии.

Заметим, что в начале XIX в. даже мужья-генералы иногда «прятали» своих жен, переодевая их в военные мундиры. Жена командира Измайловского полка М.Храповицкого сопровождала мужа во время заграничных походов русской армии 1813—1815 гг. под видом комнатного казачка и получила даже медаль «За взятие Парижа»¹⁵. Этот случай лишь подтверждает общее правило, что женщине было бы очень некомфортно и трудно находиться в мужском военном сообществе, даже если она сопровождала своего супруга.

Конечно, переодевания женщин в военные мундиры русской армии носили единичный и исключительный характер, так как россиянки вполне осознавали отношение военных к пребыванию женщин в составе вооруженных сил. Мужские традиционные сексистские взгляды и психологическое восприятие женщин в русской армии базировались на привычной интерпретации женской сущности и природы. Женщина могла находиться при армии лишь как объект для удовлетворения сексуальных потребностей, развлечения и проведения досуга. Понятно, что сами россиянки были с этим не согласны, а наиболее активные и инициативные из них доказывали, что воинская доблесть и подвиги, физические нагрузки и тяготы военной службы вполне под силу женщинам. Правда, стойкое противодействие возможности женщин стать в ряды армии, закрепленное в военных уставах, общественном мнении и гендерной социализации российского общества, позволяли женщине проявить себя на войне или в армии, лишь спрятавшись в военную униформу, выдавая себя за мужчину.

Участие женщин в войнах в мужской одежде не являлось лишь российской традицией. Многие, если не все, нации имеют истории и легенды о героических женщинах, которые во времена войны присоединялись к армии в солдатской униформе и сражались, чтобы защитить свою страну¹⁶. В работе М. ван Гревельд «Женщины и война» специально рассмотрена проблема появления женщин в мужской одежде на военной службе¹⁷. Автор книги отмечает, что этот процесс возник в европейских армиях с середины XVII в. и продолжался до XIX в. Женщины добывали себе военные мундиры и присоединялись к армии как простые солдаты. Мотивы их бегства в вооруженные силы были различны-

ми: некоторые женщины убежали от отца, супруга или жениха, другие следовали за мужьями в силу экономической необходимости себя обеспечить, третьи искали приключений, четвертые испытывали патриотические чувства¹⁸. Вероятно, подобные мотивы были характерны для представительниц разных государств, оказавшихся в рядах армии.

Сроки пребывания женщин в мужских мундирах в армии были различными: от нескольких недель до десяти и более лет. Как правило, начальство было ими довольны, а обман открывался лишь при болезни или ранении, при порке, когда они должны были раздеваться, при встрече со знакомыми, в случае смерти на поле боя и т.п. Обнаружение женщины в военной форме всегда являлось сенсацией. Большинство женщин в мужской военной форме немедленно увольнялись, но некоторые правители старались использовать в качестве пропаганды стремление женщин их защищать и даже назначали им пенсии¹⁹.

Одним из примеров использования женщины-героини как военного символа является история Надежды Дуровой — кавалерист-девицы, писательницы, оставившей воспоминания и литературные труды²⁰. Александр I, узнав, что в Конно-польском уланском полку под именем Александра Соколова служит рядовым женщина, приказал немедленно вытребовать ее в Петербург²¹. Выяснилось, что Надежда Андреевна Дурова в 1806 г., скрыв свой пол, поступила рядовым в армию, участвовала в сражениях, зарекомендовав себя храбрым воином.

Александр I вполне осознавал символичность и неординарность поступка этой россиянки, заявлявшей о своем непреклонном желании служить своему государю в военной форме русской армии. Император лично вручил Н.Дуровой Георгиевский крест за спасение в бою офицера и разрешил ей остаться в войсках. В своих воспоминаниях Н.Дурова воспроизводит свою встречу с Александром I и его слова: «Если вы полагаете, — сказал император, — что одно только позволение носить мундир и оружие может быть вашею наградою, то вы будете иметь ее!.. И будете называться по моему имени — Александровым! Не сомневаюсь, что вы сделаетесь достойною этой чести отличностью вашего поведения и поступков; не забывайте ни на минуту, что имя это всегда должно быть беспорочно и что я не прошу вам никогда и тени пятна нем!»²². Новое имя позволяло Н.Дуровой скрываться от родственников и продолжать службу в армии, а для Александра I поддержка кавалерист-девицы Александрова стала делом монаршего благоволения, символизируя собой единение монарха с патриотическими проявлениями его подданных, свидетельством того, что даже женщины готовы были отдать жизнь за своего императора в рядах его армии.

Кавалерист-девица Александр Андреевич Дуров направляется корнетом в Мариупольский гусарский полк с денежным довольствием от военного министра в случае надобности. Военные власти, выполняя волю императора, снабжали ее деньгами, компенсируя расходы первой в России женщины-офицера. В 1811 г. кавалерист-девица перевелась в Литовский уланский полк, с которым она участвовала в Отечественной войне 1812 г., получила контузию в Бородинском сражении, некоторое время состояла ординарцем у М.И.Кутузова. Затем получила отпуск для излечения от контузии и до мая 1813 г. находилась у отца в Сарапуле. После выздоровления в мае 1813 г. Дурова-Александров снова в действующей армии. В 1817 г. она вышла в отставку в чине штаб-ротмистра с правом получения пенсии.

С 1836 по 1840 гг. Н.Дурова занимается литературной деятельностью, выходят ее автобиографические книги, повести и рассказы. Они

печатались в журналах «Современник», «Библиотека для чтения», «Отечественные записки», в литературном добавлении к «Русскому инвалиду» под псевдонимом А.А.Александров.

Несомненно, история женщины, одушевленной в военном мундире в рядах русских войск, будоражила аристократическое общество и военное начальство. Какие только споры, догадки и предположения не возникали о причинах переодевания и бегства Н.Дуровой в армию. «Сведущие знатоки» рассказывали, что история с кавалерист-девицей открылась после того, как она была ранена, для осмотра с нее сняли мундир и узнали, что перед ними женщина. Сама Н.Дурова в своих записках не случайно называет себя «девицей» и не упоминает, что она была замужней женщиной и матерью, так как общественное мнение в полку, в столицах и в провинции не могло бы снисходительно отнестись к подобной информации. Некоторые ее биографы утверждали, что причиной бегства Н.Дуровой из родительского дома в армию была любовь к казачьему есаулу²³. А.С.Пушкин, публикуя в «Современнике» отрывок из ее записок, писал в предисловии: «Какие причины заставили молодую девушку хорошей дворянской фамилии оставить отеческий дом, отречься от своего пола, принять на себя труды и обязанности, которые пугают и мужчин, и явиться на поле сражений — и каких еще? Наполеоновских! Что побудило ее? Тайные семейные огорчения? Воспаленное возмущение? Врожденная неукротимая склонность? К чему? Любовь?...»²⁴. Догадки были самые разные. Споры продолжаются до сих пор. Некоторые историки называют Надежду Дурову трансвеститом²⁵, другие — личностью, имевшей «подвижную» персональную половую идентичность²⁶. Сама Н.Дурова после отставки вела себя как мужчина: носила мужской костюм, курила трубку, имела мужские манеры, обижалась, если к ней обращались как к женщине²⁷. Даже в своем завещании Н.Дурова просила называть себя при отпевании Александровым, что, разумеется, не было выполнено священником.

Примечательно, что воинственность и храбрость были идеалом для многих женщин в начале XIX в. Среди россиянок росло стремление подражать мужчинам в одежде, сравняться с ними в храбрости, силе и подвигах²⁸. Однако поступок Н.Дуровой и ее служба в рядах русской армии являлись все же редчайшим исключением из общих правил поведения и повседневной жизни россиянок в XIX в. И хотя некоторые исследователи женского движения и женской эмансипации склонны были усматривать в Н.Дуровой «прародительницу всех новых русских женщин, ищущих занятия, труда, посещающих библиотеки, лекции профессоров, медицинские курсы, жаждущих поступления в университет»²⁹, в действительности никаких проявлений феминизма и теоретических посылок в ее деятельности на войне и в армии не было. Можно говорить, в данном случае, лишь об индивидуальном военном опыте Н.Дуровой и ее уникальной судьбе. Впрочем, было и еще одно исключение, когда в XIX в. женщина воевала. История с переодетой в военный мундир женщиной вскрылась в 1898 г., когда на имя императора Николая II было подано прошение от «вдовы, живущей в Мелитополе в бедственном доме, Евгении Трофимовны Брытовой». Ее покойный муж, унтер-офицер В.Г.Брытов, сражался в Севастополе в гренадерском Грузинском полку. Из прошения следовало, что сама Евгения Трофимовна под именем Александра Воинова девять месяцев воевала в чине унтер-офицера в том же полку и была также отмечена Знаком отличия военного ордена и медалями. При пожаре все награды и документы к ним сгорели, и

теперь 77-летняя Е.Т.Брытова, не имея возможности без документов добиться положенной ей по награде пенсии, «испытывала крайнюю бедность и нужду». Из Капитула орденов потребовали в Главный штаб справку, и оказалось, что действительно в списках Капитула по Знакам отличия военного ордена 4-й степени под № 5702 значится отставной унтер-офицер Грузинского гренадерского полка Александр Воинов. Более того, когда мелитопольский уездный воинский начальник лично допросил Брытову-Воинову, оказалось, что она является дочерью Шамиля, принявшей православие и вышедшей замуж за русского унтер-офицера. Поступить вместе с мужем в Севастопольский гарнизон ей разрешил сам император Николай I, сохранив в тайне от сослуживцев Брытовой ее пол. Она провела девять месяцев в осажденном Севастополе, но когда обман раскрылся, подверглась освидетельствованию и была удалена в отставку. В итоге дело кончилось благополучно и Брытовой-Воиновой назначили пособие³⁰.

Примечательно, что в XIX в. россиянки больше не стремились подражать кавалерист-девице, а женщины в русской армии появились лишь в качестве сестер милосердия в период Крымской войны 1853–1856 гг. и русско-турецкой войны 1877–1878 гг., но они уже и не думали скрывать свой пол и прятаться в военную униформу. Напротив, эти россиянки подчеркивали, что они женщины, которые с лаской и заботой, вниманием и чуткостью готовы исполнить свой милосердный долг помощи больным и раненым воинам.

Русско-японская война 1904–1905 гг. не вызвала ярких проявлений патриотических чувств среди россиянок, но все же несколько случаев, когда женщины надевали военную форму и попадали на фронт, имело место. Так, дочь полковника Максимова-Кондрова Пуссеп изъявила желание в качестве солдата пойти на войну и была зачислена в 1-й стрелковый Его Величества полк³¹. Отмечались и другие отдельные случаи переодевания женщин в солдат, но они не были типичными и определялись личными мотивами и привязанностями россиянок.

¹ Подобнее см.: *Щербинин П.* Непотребных в лагере не терпеть (проституция, францезнерия и русская армия) // *Родина.* 2002. № 7. С. 68–71.

² Цит. по кн.: *Быт русской армии XVIII – начала XX века / Автор-составитель С.В.Карпушенко.* М., 1999. С. 119.

³ *Голосенко И.А., Голод С.И.* Социологические исследования проституции в России (история и современное состояние вопроса). СПб., 1998. С. 21.

⁴ *Щепкина Е.Н.* Женская личность в истории России // *Исторический вестник.* 1913. № 7. С. 163.

⁵ Там же. С. 165.

⁶ Маркитантки (от итал. mercante – торговец) стойко переносили тяготы военной жизни и нередко погибали при обстрелах. Против принятого стереотипа, маркитантка не являлась проституткой, эти женщины заводили любовные связи по желанию, часто выходя замуж за солдат, по внутривойсковым законам ограбление или изнасилование маркитантки каралось трибуналом. Маркитантки так прочно вошли в военный быт европейских армий, что о них слогали легенды, писали романы.

⁷ См.: *Крестовский В.В.* Очерки кавалерийской жизни. М., 1998. С. 230–238.

⁸ См.: *Бегунова А.И.* Повседневная жизнь русского гусара в царствование императора Александра I. М., 2000. С. 76.

⁹ Подробнее об этом см.: *Есинов Г.* Амазонская рота при Екатерине II // *Исторический вестник.* 1886. № 1–2. С. 71–75.

¹⁰ Там же. С. 73.

¹¹ Подробнее см.: *Анисимов Е.* Женщины на российском престоле. СПб., 1998. С. 209, 321.

- ¹² Итак, она звалась Татьяной // Неделя. 1984. № 7. С. 11; *Иванова Ю.Н.* Храбрейшие из прекрасных: женщины России в войнах. М., 2002. С.18.
- ¹³ Военно-исторический журнал. 1940. № 11. С. 109-111; *Львов В.* Тайна капитана Тихомирова // Огонек. 1978. № 11. С. 14-15; *Иванова Ю.Н.* Указ. соч. С.18-19.
- ¹⁴ Цит. по ст.: *Безотосный В.М.* Российский титулованный генералитет в войнах против наполеоновской Франции в 1812–1815 годах // Отечественная история. 1998. № 2. С. 187.
- ¹⁵ *Некрасова Е.* Надежда Андреевна Дурова // Исторический вестник. 1890. № 9. С. 595.
- ¹⁶ *Meyer A.G.* The Impact of World War I on Russian Women's Lives // Russia's Women. Accommodation, Resistance, Transformation / Eds. B.E. Clements, B.A. Engel, Christine D. Worobec. Berkeley, 1991. P. 218.
- ¹⁷ Frauen und Krieg / Martin van Creveld. Aus dem Engl. von A.Schäfer und K.Laue. München, 2001.
- ¹⁸ Там же. P.111.
- ¹⁹ Там же. P. 112.
- ²⁰ Подробнее см.: Записки Н.Дуровой // Современник. 1836. Т.2; Девица-кавалерист. Происшествие в России. СПб., 1836; *Меньшов Е.* Мое знакомство с девицей-кавалеристом Надеждой Андреевной Дуровой – отставным штаб-ротмистром Александровым // Петербургский вестник. 1861. № 3. С.64-65; *Лаушманов Ф.Ф.* Надежда Андреевна Дурова // Русская старина. 1890. № 9; *Некрасова Е.* Надежда Андреевна Дурова // Исторический вестник. 1890. № 9. С. 585-612; *Кутшие Н.* Дуров-Александров (биографическая заметка) // Исторический вестник. 1894. № 3. С. 788-793; *Сакс А.А.* Кавалерист-девица штаб-ротмистр Александр Андреевич Александров (Надежда Андреевна Дурова). СПб., 1912; *Соколовская.* Русская женщина 12-го года // Вестник Императорского общества ревнителей истории. 1916. Т. 3. С. 121-128; *Оськин А.И.* Надежда Дурова – героиня Отечественной войны 1812 г. М., 1962; *Дурова Н.А.* Избранные сочинения кавалерист-девицы Н.А.Дуровой / Сост., вступ. ст. и примеч. В.Б.Муравьева. М., 1988; *Zrin M. A* Woman in the «Men's World»: the Journals of Nadezhda Durova // *Bell S. G., Yalom M. (eds.)*. Revealing Lives: Autobiography, Biography and Gender. N.Y., 1990. P. 43-53; *Савкина И.Л.* Женственное и мужественное в прозе Надежды Дуровой // *Studia Slavica Finlandensia.* Helsinki, 1995. Т.ХII. P. 126-140; *Савкина И.* Sui generis: мужественное и женственное в автобиографических записках Надежды Дуровой // О мужественности: Сборник статей. Сост. С.Ушакин. М., 2002. С. 199-223; *Дурова Н.* Русская амазонка. Записки. М., 2002; и др.
- ²¹ *Некрасова Е.* Указ. соч. С. 596.
- ²² *Дурова Н.* Русская амазонка. Записки. М., 2002. С. 116.
- ²³ *Некрасова Е.* Указ. соч. С. 602.
- ²⁴ *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. в 10-ти т. Изд. 4. Т. 7. Л., 1978. С. 271.
- ²⁵ Frauen und Krieg / Martin van Creveld. Aus dem Engl. von A.Schäfer und K.Laue. München, 2001. P. 116.
- ²⁶ *Савкина И.* Sui generis: мужественное и женственное в автобиографических записках Надежды Дуровой. С. 223.
- ²⁷ В своих записках «Год жизни в Петербурге, или Невыгоды третьего посещения» Н.Дурова так описывала свою встречу с А.С.Пушкиным: «Впрочем, любезный гость мой приходил в заметное замешательство всякий раз, когда я, рассказывая что-нибудь, относящееся ко мне, говорила: «Был, пришел, пошел, увидел». Долговременная привычка употреблять «ь» вместо «а» делала для меня эту перемену очень обыкновенною, и я продолжала разговаривать, нисколько не затрудняясь своею ролюю, обратившеюся мне уже в природу. Наконец Пушкин послышал кончить и посещение, и разговор, начинавший делаться для него до крайности трудным. Оканчивая обязательную речь свою, поцеловал мою руку. Я поспешно выхватила ее, покраснела и уж вовсе не знаю для чего сказала: «Ах, боже мой! Я так давно отвык от этого». – *Дурова Н.* Русская амазонка. Записки. С. 329.
- ²⁸ *Некрасова Е.* Указ. соч. С. 595.
- ²⁹ Цит. по: *Некрасова Е.* Указ. соч. С. 594.
- ³⁰ См.: *Дуров В.* За защиту Севастополя. Крымская война в боевых наградах // Родина. 2000. № 7. С. 44.
- ³¹ Русско-японская война (Россия и Дальний Восток). Япония и японцы. Дешевая иллюстрированная библиотека. СПб., 1904. 21 февраля. С. 15.